

гами нѣтъ ни одной, въ которой излагалось бы, такъ называемыя, разрушительныя социалистическія и коммунистическія ученія (книга съ подобнымъ содержаниемъ не прошла бы и при старомъ законѣ). Характеръ большей части книгъ, вышедшихъ за послѣдніе годы, отличается научностью, а слѣдовательно, и серьезностью. Но правительство узрѣло, благодаря своимъ шпионамъ, что эти серьезныя сочиненія читаются и изучаются не только профессорами и другими положительными людьми, но также и людемъ менѣе образованнымъ и болѣе молодымъ. Правительству не хочется, видите, чтобы критическая мысль проникла въ общество и такимъ образомъ сдѣлалась бы его достояніемъ, а не привилегіей только нѣсколькихъ избранниковъ. Оно само, съ присущею ему во всѣ времена наглостію, сознается въ этомъ. Вотъ его подлинныя слова: „Такое облегченіе (законъ 1865 г.) для книгъ означеннаго объема признано возможнымъ въ томъ предположеніи, что онѣ по содержанию принадлежатъ къ литературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ, и въ тоже время недоступны по объему и по цѣнѣ (каково простодушіе!) массѣ полубразованныхъ читателей“.

Теперь обратимся къ другимъ мотивамъ, которыми наше правительство объясняетъ своимъ подданнымъ причины, побудившія его измѣнить законъ о печати. Эти мотивы, между прочимъ, наглядно нарисуютъ какъ наше правительство относится къ закону и государственнымъ учрежденіямъ, которые само устанавливаетъ и и считаетъ своею миссіею охранять ихъ цѣлость и неприкосновенность и то высокое положеніе, какое они

должны имѣть въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ. Вотъ эти мотивы: „Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ (безцензурныхъ сочиненіяхъ) не усматривается прямого нарушенія какой либо статьи, относительно закона, и потому они распространяются безпрепятственно“. Отсюда выводъ для русскаго правительства ясенъ, — надо измыслить другое учрежденіе, бокъ о бокъ съ судомъ, (судъ, вѣдь, безъ уликъ осудить не можетъ), которое могло бы останавливать, и только останавливать, изданіе книгъ и періодическихъ изданій, хотя бы они и не были противозаконны. И такъ, слѣдствіемъ вотъ такихъ то соображеній и явился новый законъ о печати, которымъ вся судьба нашей печати, какъ періодической такъ и книжной, отдана на произволъ г. министра внутреннихъ дѣлъ.*) Онъ уполномоченъ задерживать любую выходящую книгу (для этого уликъ не требуется), и только комитетъ министровъ можетъ отмѣнить его рѣшеніе и тогда только начинается разбира-тельство противозаконности сочиненія судебнымъ порядкомъ. Но на комитетъ министровъ надежда плоха, что и доказывается настоящимъ положеніемъ нашей печати. Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ со времени изданія новаго закона, какъ мы вполнѣ испытали всю тяжесть такого порядка веденія дѣлъ, который ухудшилъ еще болѣе положеніе печати тѣмъ, что закону придана обратная сила (хотя это и противорѣчитъ одному изъ основаній нашихъ законовъ вообще) особымъ высочайшимъ распоряженіемъ (вотъ вамъ и импе-

*) Теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Тимашевъ служилъ прежде въ тайной полиціи, гдѣ, должно предполагать, получилъ окончательную подготовку для исполненія обязанностей министра внутр. дѣлъ (см. біографію его въ календарѣ Суворина 1872 г.)

раторь-освободитель). Это особое высочайшее распоряжение дало право отобрать отъ суда книги, которыя уже находились тамъ для разбирательства (такъ какъ онъ не умѣетъ судить безъ уликъ), и передать ихъ выдуманному учрежденію, которое осуждаетъ безъ уликъ. При всемъ этомъ надо взять въ расчетъ, что не только правительство не вознаграждаетъ ничѣмъ убытки издателей, осужденныхъ по новому закону и выпедшихъ послѣ обнародованія его, но не вознаграждаются и издатели книгъ, выпедшихъ до объявленія закона, но подъ вергшихся по нему запрещенію.)

Для того что-бы можно было судить о характерѣ запрещенныхъ съ 1 Іюля 1872 года (со времени изданія новаго закона) книгъ, приводимъ здѣсь списокъ ихъ:

1) Гарридо—Современная Испанія (вышла при старомъ законѣ, при новомъ сожжена безъ суда.

2) Лекки—Исторія Нравственности.

3) Геккель—Исторія Мірозданія (годъ тому назадъ прошла на русскомъ языкѣ книга Дарвина: "половой подборъ по отношенію къ человѣку" а въ нынѣшнемъ году признано вреднымъ сочиненіе Геккеля).

4) Флеровскій—Положеніе рабочаго класса въ Россіи (два года тому назадъ первое изданіе этаго сочиненія прошло, теперь же, идя вторымъ, задержано. Сочиненіе это преимущественно статистическаго характера).

5 и 6) Два незначительныхъ романа.

7) Журналь „Всемирный трудъ.“ (Запрещенъ на основаніи особаго высочайшаго (императора освободи-

теля) появлѣнія за то, что осмѣлился критически отнестись къ нашимъ законамъ о печати.

8) Смеровскій—Учебникъ географіи.

Кромѣ всего этого, почти всѣ газеты и журналы имѣютъ по 2 предостереженія, такъ что, въ одинъ прекрасный день, мы можемъ остаться безъ періодическихъ изданій. Такія мѣры почти совсѣмъ уничтожили у насъ издательскую дѣятельность. Уже и теперь бумажные фабриканты жалуются, что у нихъ уменьшился сбытъ бумаги.

Чего всѣмъ этимъ хотѣло достигъ правительство? Вѣдь не желало-же оно возбудить къ себѣ ненависть въ тѣхъ сферахъ, для которыхъ чтеніе и развитіе сдѣлались насущными потребностями? А между тѣмъ добились ненависти, одной ненависти. Если сопоставить съ разбираемымъ закономъ недавнія нововведенія по педагогической части и гоненія, воздвигаемыя на молодежь, то станетъ ясна, какъ божій день, цѣль, руководившая при этомъ правительство нашего царя, либерала-якобы: онъ хотѣлъ приготовить себѣ вѣрныхъ слугъ, безъотвѣтныхъ чиновниковъ, задушить критическую мысль.

Житье тамъ подлецамъ,

Гдѣ много дураковъ.

Вотъ задушевныя думы надъ нами господствующихъ. Такъ какъ новый законъ о печати имѣлъ въ виду преимущественно учащуюся молодежь нашихъ университетовъ и академій и имъ отнято первое условіе развитія—книги; то мы, студенты этихъ заведеній рѣшились протестовать противъ непрошенной опеки. Но не имѣя никакой возможности выразить свой про-

тестъ на своей родинѣ, мы принуждены обратиться къ иностраннымъ органамъ печати и потому просимъ ихъ, ради скорѣйшаго водворенія на нашей родинѣ тѣхъ элементарныхъ основъ свободы, которыя уже усвоила себѣ западная Европа, напечатать цѣликомъ все это письмо съ прибавленіемъ нижеслѣдующаго:

„Не признавая ни за какимъ царемъ, ни за какимъ „правительствомъ въ мірѣ права отнимать у человѣка „возможность развивать свой умъ, совершенствовать „свои нравственныя убѣжденія.

„Считая всякое покушеніе на такую возможность „равносильнымъ нравственному убійству, а совершаю- „щихъ его — преступниками передъ обществомъ.

„Принимая все это во вниманіе, мы, считая новый „законъ о печати актомъ, которымъ правительство стре- „митя убить всякую самостоятельность нашей мысли, не- „зависимость нашихъ убѣждений, убить свободную на- „уку объявляемъ себя непримиримыми врагами тѣхъ, „которые осмѣлились издать такой убійственный законъ, „даемъ клятву разъяснить народу, всевозможными „путями, истинныя намѣренія его опекуновъ и указать „ему ту дорогу, которую онъ по необходимости дол- „женъ избрать, т. е. докажемъ ему, что только силой „онъ добудетъ свою волю.

Примите увѣренія въ нашемъ искреннемъ къ вамъ уваженіи. Подписей не можемъ дать, потому что этимъ навлечемъ на себя еще новыя гоненія, которыя и безъ того вырываютъ каждый день изъ нашей среды нашихъ лучшихъ друзей, отправляемыхъ безъ суда и слѣдствія (опять таки за неимѣніемъ уликъ въ нарушеніи какого либо закона) въ самыя отдаленныя и ма-

лолюдные уголки нашего обширнаго отечества, отни- мая всё средства къ жизни и прерывая сношенія съ близкими людьми.

При семъ прилагаемъ текстъ новаго закона о пе- чати:

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣй- ствующихъ узаконеній о печати. Государственный со- вѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра вн. д. о допол- неніи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, принялъ во вниманіе, что, на основаніи дѣйствующаго нынѣ закона 6 Апрѣля 1865 года, оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣе 10 и переводныя не менѣе 20 печатныхъ листовъ въ обѣихъ столицахъ, освобождены отъ предварительной цензуры, и за тѣмъ, пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ зло- употребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь карательной власти суда въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ уложеніемъ о наказаніи и особыми постановле- ніями упомянутаго закона. Такое облегченіе для книгъ означеннаго объема было признано возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по со- держанію своему, принадлежатъ обыкновенно къ ли- тературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ, и по самому объему, и по самой цѣнѣ будучи не доступны распространенію въ массѣ малообразован- ныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Но изъ представленнаго нынѣ на усмотрѣніе государственнаго совѣта данныхъ видно, что въ послѣдніе годы, на ряду со многими

полезными произведениями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящимися ниспровергнуть священные истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой либо статьи, касательно закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ, достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальною цѣлью распространять лжеученія между учащеюся молодежью и, въ этихъ видахъ, нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступается издателями за треть или четверть стоимости въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ.

Признавая безотлагательно нужнымъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и принимая во вниманіе, что предпринятый, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о печати, по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея, при участіи различныхъ вѣдомствъ, не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени, государствен-

ный совѣтъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, о необходимости дополнить нынѣ законъ 6 Апрѣля 1856 года, опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ необходимымъ принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры къ прекращенію распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ освобожденныхъ отъ предварительной цензуры книгахъ, такъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ.

Вслѣдствіе сего государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе и измѣненіе временныхъ правилъ о цензурѣ и печати (т. XIV; уст. ценз., прил. къ ст. 5 по прод. 1868 г.) постановилъ слѣдующее:

1) Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или номера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска онаго въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. По постановленію заключеній по дѣламъ сего рода, комитетъ министровъ принимаетъ въ руководство статьи 111 и 126 своего учрежденія (св. зак. т. 1 кн. 2.)

2) Экземпляры, воспрещенныхъ къ выпуску на основаніи предшешей 1 статьи, книгъ и номеровъ періодическихъ изданій немедленно отбираются, по рас-

поряженію подлежащихъ учреждений по дѣламъ печати, отъ типографщиковъ, издателей, авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ, по принадлежности.

3) Содержатели типографій, а равно факторы, наборщики и вообще служащіе въ оныхъ, выпустившіе въ обращеніе или утаившіе экземпляры задержанныхъ книгъ или номеровъ повременныхъ изданій, подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ во второй части статьи 1027 улож. о нак. изд. 1866 года.

Лица, способствовавшія какимъ бы то ни было образомъ распространенію означенныхъ произведеній подлежатъ отвѣтственности, опредѣляемой для содержателей типографій. Утаенные экземпляры задержанныхъ сочиненій или номеровъ повременныхъ изданій, по обнаруженіи оныхъ, отбираются на общемъ основаніи.

4) Если въ задержанномъ сочиненіи или номерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ, общеустановленнымъ въ законѣ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ подлежитъ собственно вопросъ объ отвѣтственности обвиняемыхъ.

5) Порядокъ пріостановки выпуска въ свѣтъ произведеній печати, указанный въ ст. 14 гл. III прил. къ ст. 5 уст. ценз. (по продолж. 1868 г.), сохраняется въ силѣ въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ сочиненіямъ и изданіямъ, къ которымъ министръ вн. дѣлъ не признаетъ нужнымъ примѣнять настоящія правила.

6) Экземпляры изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій, выходящихъ рѣже одно-

го раза въ недѣлю, должны быть представляемы въ подлежащее учрежденіе по дѣламъ печати (уст. цен. прил. къ ст. 5, гл. 2 ст. 25 п. 2) за четыре дня до разсылки оныхъ подписчикамъ. Сочиненія же не періодическія, напечатанныя или литографированныя также безъ предварительной цензуры, могутъ быть выпускаемы въ свѣтъ (гл. 111 ст. 13, улож. о наказ. ст. 1012) не прежде, какъ по истеченіи семидневнаго срока со времени полученія росписки въ принятіи законнаго числа экземпляровъ.

7) Сочиненіе или повременное изданіе, которое по собственному желанію издателя или редактора было представлено на разсмотрѣніе предварительной цензуры и ею одобрено, не можетъ быть задержано ст. 1 и 5 сихъ правилъ.